

Хэ Ци сказал, что купил мороженое, чтобы снять отёк, но, открыв коробку, сам начал его есть. Син Янь сидел на низком стульчике, поднял голову и слабым голосом спросил:

— Как... как снять отёк?

Хэ Ци указал на оставшееся мороженое, велел ему просто приложить коробку к ушибленному месту, сам продолжая есть. Син Янь послушно взял холодную коробку, на столе остались следы от конденсата, и, приложив мороженое к скуле, он тут же вскрикнул. Хэ Ци взглянул на него, и Син Янь замолчал.

Ночью вокруг пели насекомые.

Хэ Ци доел мороженое, выбросил пустую коробку на стол, вытер рот рукой и взял заранее приготовленный Юньнань Байяо. Встав перед Син Янем, он сказал:

— Мороженое можно убрать.

Син Янь инстинктивно хотел встать, но Хэ Ци велел ему оставаться сидеть. При свете единственной лампы, висящей на потолке, он начал обрабатывать раны на лице Син Яня.

Син Янь не моргая смотрел на Хэ Ци, словно загипнотизированный. Однако Хэ Ци не заметил его взгляда, полностью сосредоточившись на том, чтобы не попасть Юньнань Байяо в глаза.

Левый глаз Син Яня был наполнен кровью, что выглядело устрашающе. Хэ Ци не удержался и спросил:

— Ты ещё видишь этим глазом? Может, завтра я отвезу тебя в больницу?

Син Янь тут же опустил голову, избегая его взгляда. Он покачал головой и тихо сказал:

— Вижу, ничего серьёзного.

Хэ Ци вернул его голову в прежнее положение, его движение было немного грубым, но ватный тампон, которым он обрабатывал лицо, двигался с осторожной нежностью. Син Янь почувствовал, как его глаз нагрелся, и он вдруг схватился за левый глаз, громко вскрикнув. Хэ Ци испугался, держа ватный тампон, и спросил:

— Что случилось?

— Больно... — сквозь зубы прошептал Син Янь, не отпуская руку от глаза.

Боясь, что из-за такого давления травмированный глаз может повредиться ещё сильнее, Хэ Ци поспешил отодвинуть его руку, и его тон невольно смягчился:

— Где болит? Дай посмотреть.

Син Янь убрал руку, левый глаз был плотно закрыт, и слёзы обильно смачивали ресницы. Хэ Ци задумался и спросил:

— Ты плачешь или это от боли?

Задав вопрос, он, кажется, не стал ждать ответа, взял лежащее рядом полотенце и аккуратно вытер слёзы с глаза. Он подумал: «Возможно, всё же стоит сводить его в больницу, но нужно ли мне так заботиться о нём? Мы чужие люди, а я тут и раны обрабатываю, и в больницу

собираюсь. Со стороны может показаться, что я открыл благотворительную организацию. Но, глядя на его лицо, действительно становится жалко. Если обнаружат ещё какие-то серьёзные проблемы, мне придётся оплачивать лечение...»

Внезапно он вспомнил вопрос, который хотел задать ещё в кустах:

— Кто тебя избил?

Син Янь отвел взгляд и начал мямлить, и Хэ Ци пришлось наклониться, чтобы услышать его слова.

— Ты сказал, что тебя избili палками несколько школьников поблизости? — Хэ Ци широко раскрыл глаза и громко спросил:

— Правда?

Син Янь кивнул. Хэ Ци замолчал, а через мгновение равнодушно сказал:

— Если бы ты не слонялся тут, ничего бы не случилось.

Син Янь виновато опустил голову, а Хэ Ци выбросил использованный ватный тампон в пустую коробку от мороженого и, ничего не говоря, пошёл мыть руки. Син Янь смотрел ему вслед, и в его сердце поднялась горькая тоска. Глаз снова начал болеть.

Он наблюдал, как Хэ Ци выходит из ванной, вытирая руки чистым полотенцем, и между делом говорит:

— Мороженое на столе съешь, оно всё равно растаяло.

Син Янь, услышав это, взял мороженое со стола, открыл коробку и увидел, что оно превратилось в жидкую массу. Пластиковая коробка капала, и от неё исходил холод, но уже не тот, что раньше.

Хэ Ци стоял рядом, молча наблюдая, как Син Янь, держа коробку в руках, медленно и аккуратно пьёт растаявшее мороженое, словно растягивая его на вечность. Он хотел что-то сказать, но решил подождать, пока тот закончит, но теперь терпение его иссякло.

— Скоро я пойду спать, и в комнату тебя не пущу, — резко сказал он, но оставил Син Яню небольшую лазейку. — Ты можешь здесь помыться.

Смысл был ясен — после душа уходи, но он не сказал этого прямо.

Увидев, что Син Янь не реагирует, Хэ Ци забеспокоился и снова спросил:

— Почему ты всё время слоняешься поблизости, стоишь тут ночью, это из-за меня?

Этот вопрос он задавал уже несколько раз, и бродяга так и не дал прямого ответа.

Прежние опасения и подозрения снова поползли в его сердце: «А вдруг он убийца? Я обработал его раны, и он, может, из благодарности меня пощадит? Может, не стоило его пускать в дом?» По его спине пробежали мурашки, и чем больше он смотрел на мужчину, тем больше ему казалось, что тот недоброжелателен. Даже его медленные движения, с которыми он ел мороженое, теперь казались Хэ Ци подозрительными. Жёлтый свет лампы освещал худое лицо, и его выражение теперь выглядело нервным.

Син Янь замедлил свои движения, положив недоеденное мороженое на колени. Его ресницы отбрасывали тени на веки, и в них читались меланхолия и печаль. Хэ Ци был сбит с толку. С первой встречи он чувствовал, что у этого мужчины была какая-то странная аура, которую он никогда раньше не встречал, но не мог объяснить, что это было. Если бы он был похож на обычных бродяг, снующих по улицам, с их жалким видом и трусливым поведением, было бы проще. Но в его глазах всегда был какой-то свет, который Хэ Ци не мог понять и назвать.

Он не мог приравнять его к обычным бродягам, и не только потому, что спас ему жизнь.

Однако Хэ Ци не прекращал своих колких замечаний:

— Если ты думаешь, что, раз я спас тебе жизнь, это что-то значит, то ты ошибаешься.

Он скрестил руки на груди и холодно посмотрел на него:

— Ты каждую ночь стоишь внизу, и это не только создаёт мне проблемы, но и вызывает беспокойство у всех жильцов этого дома. Разве не за это тебя избили?

Затем он сменил тон, пытаясь мягко наставить его на путь истинный:

— Ты ещё молод, всего на несколько лет старше меня, у тебя есть руки и ноги, ты должен найти работу и жить достойно. Почему ты не вернёшься домой?

Син Янь посмотрел на него.

— Что значит жить достойно?

Его взгляд был искренним, он не пытался спорить с Хэ Ци, а действительно хотел получить ответ.

Хэ Ци растерялся. Он быстро оценил себя и понял, что сам не соответствует понятию «достойной жизни». Но всё же он ответил, сухо цитируя учебник:

— Достойная жизнь — это... быть счастливым, делать то, что хочешь, зарабатывать деньги, быть полезным...

Он сам не следовал этим принципам.

— В общем, нельзя прожигать жизнь! — с твёрдостью заключил он.

Для него Син Янь явно тратил свою жизнь впустую. И Син Янь, казалось, тоже так думал, иначе он не отправился бы ночью к мосту Байшуй, чтобы броситься в реку.

— Почему ты не вернёшься домой? — снова спросил Хэ Ци.

Син Янь сдавленно ответил:

— Не могу вернуться.

«Не могу вернуться» могло означать многое: разрыв с семьёй, смерть родных или потерю дома, из-за чего он стал бездомным, скитаясь по свету.

Какая бы причина ни была, она была достаточно трагичной.

— Где ты жил раньше? Чем занимался? — Хэ Ци вдруг захотелось поговорить с ним всю ночь, и он придвинул стул со спинкой и сел.

Син Янь не сказал, чем занимался, только упомянул провинцию, где родился, которая находилась далеко от их города, почти на другом конце страны. Хэ Ци удивился:

— Ты пешком шёл сюда?

— Я ушёл из дома пять лет назад.

Хэ Ци заметил, что Син Янь начал нервничать, когда речь зашла о его прошлом. Он сидел, положив руки на колени, и непроизвольно ковырял коробку от мороженого, издавая характерный шум пластика.

Может, эти вопросы вообще не стоило задавать, подумал Хэ Ци.

<http://bllate.org/book/16327/1473754>